

О КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ ХУДОЖНИКА

ЕЛЕНА ГЛАЗОВА

доктор философии (PhD), специалист по сравнительному литературоведению,
профессор факультета российских и восточноазиатских языков и культур Университета Эмори (Атланта, США)

Разговор идет о том, где сейчас находится искусство и где сейчас находится украинское искусство. И, конечно, поскольку созданы очень сильные образы в этом проекте художника, и масштаб их огромен — реакция соответствующая. Но что касается темы дискуссии, то что бы ни говорили — постмодерн или модерн (я вернусь к этому дальше), — это вопрос ощущения огромной травмы в культуре. Я хотела бы поддержать основную интенцию тематического доклада Дарьи Зиборовой. Что такое метанойя? Последние 30 лет я преподавала в Америке. (Кратко объясню: я из семьи диссидентов, мы уехали из России, из Москвы, в 1972 году. Поэтому для меня то, что происходит в Украине сейчас, очень близко). И эти последние 30 лет — молодежь, преподавание, философия — все было построено на постмодернизме. Пройти мимо этого было нельзя. Это было основное образование, по крайней мере на Западе. И предложение пройти через это, выйти из этого, увидеть эту работу как то, что не вмещается в рамках постмодернизма, я очень приветствую. Потому что понятие иронии, понятие смерти, которое было привнесено, ирония против смерти — оно никак здесь не показано. Я смотрела очень внимательно на эти работы. Хотя сложно только через иллюстрации войти в суть, но можно сказать о первом понятии метанойи, о философии. Конечно же, это понятие пещеры Платона. Когда люди сидят и не могут повернуться, потому что с детства они абсолютно привязаны к определенным концепциям. И когда они начинают разворачиваться (если они могут развернуться), то мы говорим о страшной борьбе,

когда необходимо уйти от того, к чему тебя привязали. И для этого надо не только повернуться, но и выйти из пещеры. И здесь есть ощущение, что они выходят. Например, если мы смотрим на то, как сдается кровь (о картине «Сдача крови». — *Ред.*), то непонятно: эти мальчишки оставляют страшную катастрофу позади или идут навстречу ей? Первая реакция на работы очень интуитивная, и если мы говорим об интуиции как о том, на что ориентироваться, чтобы понять это творчество (или понять, как работает автор), то в данный момент интуиция нам тоже не помогает, потому что она в огромной ситуации травмы. Я очень глубоко тронута работами Виктора Сидоренко, потому что в них идет разговор о самых основных вопросах — о возможности развернуться, но так, чтобы не принести еще больше крови. О том, к чему они идут после этого и к чему мы идем.

Следующее, насчет антропологии, антропологической позиции. Здесь до меня говорили о конструктивизме, антропологической позиции посредством «человека» (героя), о масштабности. И когда я рассматривала картины, я думала о словах Пастернака о Маяковском. Он говорит: фактически, футуризм Маяковского — это футуризм города, где глубоко и сильно потеряна душа человека, чьи нечеловеческие ситуации он описывает. Эта цитата, я думаю, очень точная. Есть понятие современного города, где затерян человек. И он — в нечеловеческих ситуациях и в нечеловеческих позициях. Поэтому если мы посмотрим внимательно на картины, то следует подчеркнуть позицию человека, состояние его тела: непонятно, он падает или он летит, летит ли он после

взрыва или он в космосе. Вот это ощущение катастрофы хотелось бы подчеркнуть. И то, что человек уходит от трагедии: он идет, и трагедия у него за плечами. Конечно, это предчувствие Майдана, потому что дальше — те, кто идет на войну. И потом — это желание выйти. Но непонятно: этот выход — полет или падение? Ты не можешь найти себе места, но надо выйти. Вот это сейчас состояние Украины — что надо выйти. Надо идти дальше. Надо от того, что было, уйти. И это глубоко волнует. Все мы, конечно, надеемся на высшие силы, что человечество идет все-таки к какой-то «растительности» (все конструкции [социальные] принесли уже столько крови), к какому-то живому миру.

По поводу скульптур, если вы посмотрите на них: отец и мать, мужчина и женщина, стоящие здесь, — довольно-таки страшное наследие нас окружает. Хотелось бы сказать несколько слов из Евангелия: мы пели вам веселые песни, и вы не смеялись; мы пели вам горькие песни, и вы не плакали. Я понимаю, что идет разговор о национальном искусстве, но любое искусство само по себе — интернационально. Разговор восходит к полемике гораздо более широкого плана. Идет оркестрация огромного количества цитат, цитация образов. Поэтому, когда мы здесь говорим, каждый приносит сюда тот разговор, который он внутри слышит. Но человек идет дальше. И вот здесь — ощущение молодых, которые слышат, куда же мы идем. Но, тем не менее, преобладает большое количество цитаций, в том числе идущих, между прочим, даже к фашистскому и протофашистскому искусству, которое отрицается. Это важно подчеркнуть. Но если мы выходим из этого (поскольку я говорю как человек, увы, пришедший из мира западного, где мы стараемся объяснить, что же происходит сейчас в России, в Украине, в Восточной Европе), то объяснить это трудно. Конечно, люди хотят это знать, но где-то они и не очень хотят знать, потому что устали от ужасов. Мне кажется, что образы, которые созданы художником, глубоки, они несут рану, они заставляют человека думать.

Возвращаюсь к теме разговора о постмодернизме. Было понятие формализма, структурализма, понятие работы как конструкции. Есть определенные заданные конструкции. Если ты поймешь эту конструкцию, ты поймешь работу. Что сделал deconstruction — он перестал смотреть на работу как на конструкцию. И то, что раньше было как бы сконструировано, становится очень флюидным. Идут волны определенные, волны мысли. Поэтому очень трудно — никто из нас не отважится сказать определенно, что именно значит отдельно взятая работа, что это некий определенный конструкт. Конечно, мы живем в понятии огромной значимости каждого произведения. Потому что мы уже не смотрим на мысль как на то, что сконструировано, мы смотрим на мысль как на огромное количество волн. Фактически, мы исходим не из того, что все состоит из атомов, мы исходим из того, что все создано из каких-то волн, которые до нас доходят, они нас трогают, они нас ведут дальше и т. д. Поэтому отважимся ли мы (например, те, кто с Запада) на более смелое, открытое понимание этого творчества и самой реальности, которая просматривается в нем? Поскольку мы в сложном положении из-за того, что здесь происходит. Я понимаю очень сильно национальные чувства, которые здесь есть, и то, что произошло в последнее большое количество лет — не только в последние два года, а в течение целой истории, истории Украины. Как бы я ни сочувствовала, я приезжаю издалека. Но, тем не менее, с огромным чувством сопереживания, конечно, ко всему, что происходит, и к тому, что хочет сказать художник. Идем ли мы от Леонардо да Винчи, идем ли мы от постконструктивизма — можно видеть четко определенные темы, которые связаны с темами искусства Виктора Сидоренко. И одна из них — это то, что за плечами. А за плечами — катастрофа. Человек стоит, он огромен, он, может быть, как бы типовой, он, может быть, стереотипный, он, может быть, с лицом, и с лицом

очень сильным, но за плечами у него брызги катастроф, которые есть. И в этом есть понятие жертвенности и история человека в положении жертвы. Идет некоторый процесс... И конечно, идет вопрос темы, в связи с которой вспоминается Шагал и его «Белое распятие». Идет вопрос распятия. Но есть желание

отметить (поскольку идет поворот и есть понятие раскаяния, есть понятие плача, стены плача) — в некоторых работах просматривается тема памяти убитых. Поэтому навязывать свой образ невозможно, когда ты это объясняешь. Но начать разговор с добрыми чувствами к собеседнику, я считаю, необходимо.

ПРО ІНТЕРТЕКСТ СУЧАСНОЇ ЕКСПОЗИЦІЇ

РОМАН ЯЦІВ

проректор з наукової роботи Львівської національної академії мистецтв,
кандидат мистецтвознавства, професор

Перш за все, велика вдячність пану Віктору і його команді, що запропонували для львівського глядача цю виставку. Мене цікавило наше середовище — наскільки воно сприйме цю експозицію? Одразу було цікаво, як глядацьке середовище, зокрема у Львові, сприйме цю експозицію. Зразу скажу, що дуже неоднозначно. І маю пояснення, чому. Перше — це те, що, на жаль, не так часто Віктор Сидоренко свої проекти пропонує саме для Львова. Треба бачити його в розвитку і в інших експозиційних залах. Звичайно, що фахівці це знають, а, скажімо, двоїсте сприйняття, про яке пан Віктор сказав — «що» і «як». Проблема «що» стає вторинною. Щодо проблеми «як», то естетика буває незрозумілою і не доходить до аспекту «що». Дуже багато людей, які, скажімо, побіжно можуть глянути на цей виставковий проект і не знайти відповідей на якісь сутнісні питання, які стоять у смисловому полі цієї виставки.

Сьогоднішня розмова почалася від вживання дефініції «постмодерн», і я хотів би дозволити собі репліку. Інколи в дискусії звучало також «постмодернізм». Я хотів би, щоб ми розрізняли ці поняття. Бо закрадається думка, що ми зараз

знаходимося в епосі, яка вже після постмодернізму, і ми вже долаємо наслідки постмодерну. Ця плутанина вносить хаос в деякі поняття і деякі проблеми, про які ми сьогодні дискутуємо. Якщо ми оперуємо поняттям «модерн» (бо ми часто поверталися до епохи сторічної давності і в нас є на підсвідомому рівні поняття «модерну» як стилю), то для львів'ян поняття «модерн» асоціюється з сецесією. Львів — наскрізь сецесійне місто. Те, що епоха модерну дала, це була певна прелюдія до модернізму як такого. Якщо ми зараз оперуємо поняттям «постмодерну», то це сприймається як повернення до традицій модерну, до орнаментальної культури, до синтезу мистецтв і т. ін. Воно не дає нам відповідей на більш сутнісні питання, які в філософському ключі досить цікаво доповідачкою викладено.

З іншого боку, коли ми говоримо про розвиток Віктора Сидоренка як митця, я би, власне, хотів звернути увагу, що відчитуючи смисли цієї виставки, цього проекту, ми повинні опиратися на великий досвід його шукань усього 20-річного періоду. Я знайомився з тим контекстом. Сьогоднішня експозиція не є випадковий проект, це є розвиток, це є дійсно присутність автора в цій проблематиці. Я би сказав, ця про-